

ФЛАГМАН

ПИСАТЕЛЬ НОМЕРА

Геннадий ИВАНОВ

Геннадий Викторович ИВАНОВ родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Е. А. Долматовского). Работал с 1979 по 2000 год редактором, заведующим редакцией, зам. главного редактора, в московских издательствах «Современник», «Художественная литература», «Вече». Автор поэтических книг «На высоком холме» («Современник», 1981), «Любовью живы» («Современник», 1985), «Утро памяти» («Советский писатель», 1988), «Берега» (РБП, 1991), «Красный вечер» («Современник», 1991), «Долгий день» (Тверское книжное издательство, 1999), «Кресты и ласточки» (МГО СП России, 2000), «Избранное» («Вече», 2006), «Новые стихи» («Вече», 2006), «Стихотворения» (ГУ «Издатель», Волгоград, 2007), «Ветер счастья» (КСАНТИ, 2010), «Избранное» (СП Беларуси, 2015), «Свидетель» («Серебро Слов», 2015), «Ликуй, душа» («Российский писатель», 2015), «Были чудом слова и улыбки» («Серебро Слов», 2018), «Я шагаю по белой дороге» (Кузбасский центр искусств, Кемерово, 2019), «Русские пророки» («Российский писатель», 2020), «Старый сад» («Российский писатель», 2020), «Надо жить» («Вече», 2020), «Горит костёр» («Российский писатель», 2020). Стихотворные подборки публиковались в литературных газетах и журналах «Москва», «Наш современник», «Октябрь», «Смена», «Родная Ладога», «Нижний Новгород», «Подъём», во многих альманахах, в том числе регулярно публикуются в «Дне поэзии». В 1999 году был главным редактором-составителем Пушкинского «Дня поэзии». Его творчество отмечено литературными премиями, в том числе Большой литературной премией России и всероссийской литературной премией имени Ф. И. Тютчева «Русский путь». В своё время вхождение Геннадия Иванова в литературу поддержали такие поэты, как Владимир Соколов (написал врез к публикации стихов в журнале «Москва»), Владимир Цыбин (написал врез в журнале «Смена»), Ольга Фокина (написала положительную рецензию на книгу «Любовью живы»), Василий Казанцев (написал положительную рецензию на книгу «На высоком холме»). Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством». Первый секретарь правления Союза писателей России.

О НОВЫХ СТИХАХ ГЕННАДИЯ ИВАНОВА

1.

Творчество Геннадия Иванова — это полное отсутствие взятой из головы, сконструированной литературности, когда тексты собираются, складываются как словесные изошрённые конструкторы, из которых спокойно можно извлекать и заменять одни детали (строфы, строчки, слова) другими. Безусловно, подобные рифмованные трансформеры внешне случаются броскими, парадоксальными, с такими накрученными вывертами, что диву даёшься.

Всё в них есть, а вот простого дыхания души, той проникновенности, от которой заходится сердце, — и днём с огнём не сыщешь. Поэзия же Геннадия Иванова, напротив, основательная — как всё русское — корневая, земляная, причём почва, на которой она возвращена, наша, родная, и шире — общеславянская; самобытные слои её укладываются не в одну тысячу лет. И каждый, замечу, насыщен памятью, искрится и дышит своим, живым и неповторимым.

Копай, копай,
Копай, копай, копай...
Здесь будет сад,
Здесь будет светлый рай.
— Но рая быть не может на земле,
Земля, мы знаем, вся лежит во зле.
— А ты копай,
Потом увидишь сам,
Когда задышит осень по лесам...
Когда плоды, цветы — всё на столе!
Бывает рай в душе и на земле.

В пространстве этого стихотворения легко угадывается метафизическая хрупкость, зыбкость нашей земной юдоли, но и не только она, здесь и скрытая опасность соблазна, однако... при повторном прочтении явственно проступает и всё сокрушающая сила православная, глубинная, народная, «когда плоды, цветы — всё на столе!». Вдобавок — это то самое изобилие, что рождается от праведных трудов, а труд на земле, он по завету — нам дан от Бога. И рай, описанный поэтом, — это, если по правде, рай труженика. Я думаю, меня прекрасно поймут те, у кого есть домик в деревне или дача, а если брать шире, то практически все наши соотечественники, потому что нет другой такой страны на свете, где бы вокруг каждого города своеобразными поясами защиты были выстроены садово-огородные общества, причём они, как правило, не в одну полосу, а глубоко эшелонированы, цветущие и плодоносные.

Я локтями помню свою парту —
Этот склон покрашенной доски...

Родины большую помню карту...
Помню без печали и тоски.

Но с теплом я помню эти годы,
Детство, школа сельская моя...
Сколько было там в полях свободы!
Птицы и цветы — моя семья.

Геннадий Иванов

Худ. Александр Алмазов

Это словно и про моё детство написано... Я тоже помню крашеную откидную парту, круглое углубление для чернильницы-непроливашки, ручку с пером. На эти перья мы на переменах играли с одноклассниками. Уроки чистописания. У нас рядом со школой было не поле, а лес. Я в нём тоже пропадал целыми днями, и у меня «мир сиял цветочками льяными, песнями звенел над головой!». Не в таких ли родимых местах и было вложено в душу поэта то, что и сделало Геннадия Иванова тем, кем он стал? Да и мно-

гих из нас, детей конца сороковых и пятидесятых, это тоже коснулось живительным крылом и — могу с уверенностью сказать — сильно помогло выстоять в дальнейшей нашей далеко не простой жизни, не пропасть в кошмарных девяностых... А ещё у нас были и остаются надёжные ориентиры и маяки, и среди них одно из первых мест, без сомнения, принадлежит вологжанину Белову, «писателю былинному и такому родному».

Дорогой Василий наш Иванович!

Вот мы и приехали к тебе.

Да, кругом бурьян теперь бурьянович —
В деревнях.

У многих и в судьбе...

Ничего, что путь-дорожка длинная,
Добираться радостно к тебе.
Помогает слово твоё дивное.
Постою в большой твоей избе.

Посмотрю на все твои окрестности,
Подышу простором, холодком.
При великой при твоей известности
Ты остался русским мужиком.

Несказанное словосочетание «русский мужик» — оно дорогого стоит и ко многому обязывает. Потому что кто, как не он, в достославные времена всего-то за полсотни лет прошёл всю Сибирь до Тихого океана, при этом сохранив все встреченные на пути народности в здравии и благополучии, освоил Аляску, да много чего ещё отладил в мире? Русский мужик — это основательность, смелость, удаля, немислимая работоспособность, готовность пожертвовать собой за общее дело и «друзи своя». Да, было, пытались в минувшее столетие некоторые из ретивых инородцев обхохмить, принизить это словосочетание. Но... где теперь они?.. И где мы? Их куда-то ветром сдуло, а мы, как и прежде, здесь, у себя, на своей земле. И, конечно же, мы далеко не однородны и единокорны, все разные, но это и хорошо — живём не скучно. Встречаются и среди нас те, кто иногда не прочь и понуть. Над такими Геннадий Иванов незлобиво подтрунивает:

Режим такой, режим сякой...
А где же сытость и покой?
И вот уже режим другой —
России это не впервой.
Режим другой — и он сякой,
Такой-сякой, такой-сякой...
И только не сякие мы
И наши светлые умы.

Есть и такое в нашем народе. Здесь главное, чтобы не заиграться, вовремя опомниться, оглядеться вокруг и прийти в себя. И поэт тонко намекает на это.

С багажом своих лет, жизненного опыта Геннадий Иванов по-доброму мудр и наблюдателен:

Муж с женой — как две лодочки вместе —
На прогулке под ручку идут.
Обсуждают какие-то вести
Или тихую песню поют...

Пожилые. Две лодочки вместе.
Сколько было пробоин и ран...
Устояли, плывут честь по чести,
Как устойчивый катамаран!

Так трогательно и пронзительно мог написать только тот, кто сам подобное когда-то пережил. Всё вроде бы просто и непритязательно, но какая искренность и глубина! И потом, это ведь две те самые — увы, редкие по нынешним временам — половинки, которым посчастливилось найти друг друга в нашем беспокойном мире, и теперь, на закате жизни, они просто идут на прогулке и «тихую песню поют». И ни капельки страха перед будущим, только вера, и хотя в стихотворении о ней нет ни слова, однако между строчек она явственно чувствуется и просматривается.

2.

Приходили строки как друзья.
Приходили строки на мученье.
С ними проходила жизнь моя.
И свобода в них, и заточенье.

Этот путь пройду я до конца,
Не сверну, не назову всё бредом.
Шли путём зерна, путём свинца
До меня — и мне идти их следом.

Скупо, сурово, но по-мужски мощно! И снова такой простор, насквозь пропитанный образами. Казалось бы, в стихотворении внешне нет ни одной броской метафоры, ни одного эпитета, а гляди-ка ты, душа читающего откликается размышлениями, да не просто по случаю, а самыми что ни на есть высокими, поэтическими, где «строки друзья», но и они же испытания. А как ёмко и точно отражена судьба нашей Родины: «...путь зерна, путь свинца...», то есть путь хлебороба, путь воина.

Вот и сегодня Россия вынужденно должна проходить очередной «путь свинца». И Геннадий Иванов своим сердцем большого поэта не может оставаться в стороне.

...Но победы, конечно, победы не может не быть.
Коль не будет её — это будет такое паденье...
И Россия, Россия должна победить!

Разорвали народ наш, на части его разорвали
И стравили враги...

— Ну конечно, отец, победим!
Только главное, чтоб наверху победить не мешали.
— Я об этом, ребята,
скажу обязательно им.

(«Из разговора с бойцами»)

На начавшуюся 24 февраля специальную военную операцию поэт откликнулся одним из первых, откликнулся страстно, без оглядки и без всяких экивоков и расшаркиваний в сторону нацистов и их пособников-пятиколонников:

Война идёт, конечно, за Россию.
Уже не только лживым словом бьют,
Они надежду в этот век вкусили,
Что уж теперь-то русские падут.

Нет, не падут. И есть ещё герои.
Я видел их — и русских, и татар,
Бурят, лезгин...

Лишь не было бы Трои.
Невыносим любой данайский дар!

Мы в перестройку этого наелись...
Теперь идёт жестокая война.
Ведь против нас «партнёры» насмерть спелись.
Не спи, душа!

Не спи, не спи, страна!

Две последние строки звучат как грозные раскаты набата. И действительно, сегодня мы стали свидетелями того, как «все богомерзкие народы со дна поднялись царства тьмы» (Ф. Тютчев). Не только поднялись, но и пытаются заполнить своим зловонием, накрыть нашу Родину, чтобы потом, обезволенную, удобнее было её растерзать, как это

в недавнем прошлом они проделали с Советским Союзом. Но сейчас, к счастью, не 1991 год... И кроме того, в нашей генетической памяти сохранился не только этот печальный опыт, но и более ранний, надёжный и прочный: «Враг не пройдёт... Победа будет за нами». Просто потому, что иного нам не дано. И своими нынешними циклами стихотворений, посвящённых СВО, Геннадий Иванов искренне и без каких-либо поблажек к себе и окружающим убеждает читателя именно в этом.

Разве можно без душевного волнения читать такие исповедальные строки поэта:

Вы вернётесь не все в наши мирные дали.
Кто вернётся — пусть знает: у них мы в долгу.
Не отменят его ордена и медали,
И в застолье слова, и слова на бегу...

И вдвойне мы в долгу перед теми, кто пали.
Перед ними пусть нам будет стыдно, что мы
Врали, крали, болтали и всё хлопотали,
Чтоб ловчей избежать и тюрьмы, и сумы...

Вам досталась, ребята, нелёгкая доля,
Вы шагнули за всех остающихся нас.
Ваше мужество, парни, терпенье и воля —
Это наш золотой, необманный запас.

Многие стихотворения поэта снабжены эпитафиями. И я считаю это не только приемлемым, но и крайне уместным. Опора на великих предшественников, незримая, но прочная связь с русской традиционной поэзией — это, на мой взгляд, отнюдь не слабость, а, наоборот, сила автора, подпитка от родимой благодатной почвы, потому что и Геннадий Иванов, да и мы, те, кому дорога его поэзия, не какие-то там «Иваны, не помнящие родства», за нами наша благословенная Родина и поколения родных нам людей, которые внимательно и участливо смотрят на нас с тех высот, до которых нам ещё предстоит подняться. И не только смотрят, но и помогают нам неизъяснимо, но всегда в нужную минуту укрепиться духом, чтобы преодолеть любые непредвиденные трудности и невзгоды.

Не с теми я, кто бросил землю.

Анна Ахматова

Не с теми я, кто бросил землю —
Кто к виллам, яхтам улетел.
Я их и здесь-то не приемлю.
И бросили они не землю,
А местонахожденье тел.
А для земли они пустое.
Они ничто и никогда.
Такое недоразвитое,
Бессмысленное навсегда.

А ведь поэт прав. И сказано хоть и едко, но справедливо о «местонахожденье тел», поскольку у этих особой душа если когда-то и была, то давно уже изъедена молью безудержного потребления и хронического зуда всё новых и более изошрённых наслаждений и удовольствий.

В некоторых стихах Геннадия Иванова встречаются слова упрёка, в том числе и по адресу к себе, что вот-де «расслаблены были, неподготовлены...». Позволю себе категорически не согласиться с этим в отношении самого поэта. Геннадия Викторовича я знаю более пятнадцати лет. И убеждён: он и расслабленность, и даже какой-либо намёк на лень — вещи несовместимые. Частенько заглядываю в его кабинет, но поговорить толком практически никогда не удаётся. Постоянно заходит по делам кто-то из писателей, и не только из московских и окрестных, люди приезжают из глубинки решать своё наболевшее, просят чем-то помочь. Телефон практически не умолкает... И ни разу не было случая, чтобы кому-то он отказал, выпроводил не солоно хлебавши или бросил трубку, не дослушав. Всегда выслушает внимательно и доброжелательно, поможет. Скажу честно, такого напряжённого графика жизни я бы не выдержал — это каким двухжильным надо быть! И при этом частые командировки, теперь вот поездки по госпиталям, в воинские части к мобилизованным с добрым и отеческим словом. Череда других регулярных творческих встреч и мероприятий... и стихи. Да такие, что от них не оторваться! Есть и стихи-молитвы, как, например, святому Луке Крымскому:

...Раненых воинов много теперь.
Ты помоги им, страданья умерь.
Ты подействуй, святитель Лука.
Знаем, молитва твоя велика.
Страждущих воинов видит твой взгляд.
Отче Лука, помолись за ребят.

Это как выдох, глубокий, сокровенный, таящий в себе искреннюю надежду, что молитва будет услышана «врачом многомудрым, святителем Лукой», и у наших защитников всё наладится, и победа будет за нами. Да иначе и быть не может, когда:

Наша техника — чудо! Волшебные птицы!
И ракеты прекрасны под их опереньем!
А у лётчиков вольные, светлые лица!
Откликается сердце им радостным пеньем.

Рядом Чёрное море, но не до него —
За полётом полёт, за посадкой посадка...
Я желаю, ребята, вам всем одного —
Чтобы били и били — и били в десятку!
(«Лётчикам авиабазы Бельбек»)

Подписываюсь под каждой строчкой, потому что по-другому с теми, кто против нас, нельзя. Не они ли во все трубы ещё летом раструбили, что цель всего коллективного Запада и Украины как их тарана — это полное уничтожение и расчленение нашей России? Просто потому, что мы им испокон веку как кость в их прожорливой глотке. Вот пусть и подавятся!

Вспомнилась история, случившаяся в годы Великой Отечественной с братом моего родного деда Алексея Ильича Алькова, Филиппом Ильичом. В сорок первом он попал в плен, но угодил не в концлагерь, а в батраки к какому-то немцу. Вскоре бежал, прошёл, как опытный алтайский таёжник, не зная языка, по лесам половину Германии, ещё несколько стран, и оказался на Украине. Только вздохнул с облегчением, что всё, мол, у своих, а его местные предали и сдали полицаям. Те, избив до полусмерти, передали немцам. И опять Филипп Ильич попал в Германию, и опять бежал...

И снова на Украине схватили его бандеровцы. Издевались страшно: на плечах и спине вырезали звёзды; может быть, и убили бы, да, видно, барыш, выплачиваемый оккупантами за живого пойманного, перевесил. Теперь уже дядю Филиппа отправили в концлагерь. Но он и оттуда смог бежать с товарищем. В этот раз они пробирались к нашим по лесам и болотам в обход бандеровской Украины и в Белоруссии примкнули к партизанам. Войну дядя Филипп закончил в Берлине. Из этой истории ясно видно, что злокачественные гены предательства, наживы любыми средствами и патологическая зависть у некоторых из наших теперешних соседей, как это ни прискорбно, имеют место быть...

И как созвучно вышесказанному это стихотворение поэта:

На том плацу, где я шагал когда-то,
Где улетало в небо: «Запевай!» —
Теперь враги шагают — не ребята,
И к москалям там злоба через край.

Бросают их, как в топку, командиры.
И участь их, конечно, решена.
Но не должно быть никакого мира,
Пока Бандере молится страна.

Не все фашисты? Да, не все фашисты.
Но к очищению будет долгий путь...
И чтобы от нацизма стало чисто,
Ещё придётся горя нам хлебнуть.

Стихи Геннадия Иванова сильны правдой, порой резкой и нелицеприятной, но по-другому он не умеет. А не в этом ли и сокрыта одна из блистательных граней его поэтического Слова? Не чужд поэт и уничижительного (вполне заслуженного, кстати) тона по отношению ко всей этой своре, что топчет нынче землю исторической Малороссии:

...Там и разбитые танки,
Там догорают склады,
Там и наставники-янки...
Много там всякой орды.

Чувство недоумения и горечи не покидает, когда читаешь и такие строки:

Бегут, бегут Отечества сыны,
Не единицы и уже не сотни...
Бегут, бегут подальше от войны
И спрячутся в грузинской подворотне.

Поневоле задумаешься: как дожили до такого? А вот так и дожили... Я бы только слово «сыны» взял в кавычки, этот рафинированный сброд и в пасынки-то не годится! Мутная пена и шлак российского безвременья... Вот и стало тайное явным. Я, как и Геннадий Викторович, верю, что мы сейчас переживаем пусть трудное, но и великое время очищения нашей любимой Родины от подобных язв и гнойников.

Мне ещё помогает сраженьё,
Что идёт в эти дни на Руси.
Наступленье, потом отступленье —
И молись, и победы проси!

.....
Я о Родине думаю твёрдо!
Нелегко воевать предстоит...
Я о Родине думаю гордо!
Всё равно русский дух победит!

3.

Вечером 10 марта по привычке открыл сайт «Российский писатель», машинально глянул в правый угол, в колонку новостей, и от неожиданности сдавило сердце и потемнело в глазах. Некролог на смерть Натальи, жены Геннадия Иванова. Не поверилось... Перечитал еще и еще раз. Первым желанием было сейчас же позвонить Геннадию Викторовичу, но... я остановил себя, понимая, что этого сегодня, в первые часы после случившегося, ни в коем случае делать нельзя.

Позвонил на следующий день, ближе к обеду. Выразил соболезнование, спросил, чем могу помочь...

— Ничего не надо. Всё делается определёнными службами, — ответил Геннадий Викторович. Голос был глухой и какой-то отсутствующий. Помолчав, он сказал: — Я, Юра,

будто в пропасть упал... ничего не пойму... себя не чувствую... Наверно, в деревню уеду... с месяц проживу один... не знаю...

— Не надо в деревню, только не сейчас! Там будешь один на один со своим горем... оно тебе всю душу выест... А здесь — мы рядом, люди, друзья, работа... Ты нам, Гена, нужен! Мы же все с тобой и за тебя переживаем!.. Нас-то не бросай...

Вот оно, последнее прощание —
Ты в цветах, не смотришь на меня.
А во мне от горя — одичание,
Как от нестерпимого огня:

Рвётся крик, а льются, льются слёзы...
Я целую твой холодный лоб.
Кончились мечты, надежды, грёзы.
Лоб холодный, мёрзлый как сугроб.

Когда впервые прочитал этот крик души поэта, убитой невозполнимой потерей, спазмы перехватили горло, и некоторое время смотрел на строчки отрешённо. «Нестерпимый огонь» коснулся и моего сердца. Как же теперь жить тебе, дорогой ты наш Геннадий Викторович? Что же сделать такого, чтобы хоть как-то помочь тебе пережить это неожиданное и страшное горе? Было смятение, путаница в мыслях, но ответа-то не было...

...врачует песнопенье...

Е. Баратынский

«После смерти моей не пиши обо мне.
С того света приду...» —

ты в сердцах мне сказала.

Я хочу, чтоб пришла.

Я хочу, чтоб пришла.

Я хочу, чтоб пришла —

и мне радостно стало.

Так всё горько и пусто.

Я буду писать.

Для меня это будет,

наверно, спасенье.

Хоть спасаться зачем?
Чтобы жить и страдать?
Чтобы жить и страдать.
Чтобы выстрадать
 песнопенье.

Принято считать, что время лечит. Я бы уточнил: не лечит, а внешне, снаружи затягивает раны, и потому боль притупляется, но она никуда не уходит. Просто в душе наступает смирение, внутри которого рождаются вера и надежда на встречу с почившим, но уже не на полях земных, а где-то в другом, но таком ожидаемом измерении и месте. Но это ещё только будет когда-то, а в первые дни и недели после потери поэта спасают лишь строчки, идущие из самого сердца:

Слезящийся солнечный снег.
Он весь понемногу растает.
Мой самый родной человек
Об этом уже не узнает.
Весна заполняет страну,
Подруги поедут на дачу.
Наташу, Наталью, жену,
Зову и, как снег этот, плачу...

Горькой, саднящей душу россыпью в этот период признания поэта: «а счастье — это быть с тобой всегда: вчера, сегодня, завтра...»; «стал очень сумеречным белый свет...»; «у меня даже мёртвые сны...»; «а сосуд я, конечно, простой и скудельный...». И значительно позже, спустя много месяцев, когда душевная рана чуть-чуть затянется, Геннадий Иванов напишет:

Суета забивает страданье.
Да и что ж всё страдать и страдать?..
Не в обиде я на мирозданье.
Получил я такое заданье —
Значит, надо его выполнять.

Философия смирения, честная и прямая, без каких-либо спасительных оговорок и самооправданий, — она в этих пяти строчках. Кроме этого, здесь и осознание автором

своей миссии: приложить все силы, всё сделать как поэту, чтобы память о любимой женщине, жене как можно дольше сохранилась среди нас, живых. Но и не только. Геннадий Викторович, как человек крещённый, православный, находящийся на той дороге, которая ведёт через преодоление терний и других преград и соблазнов к Богу, не мог в те трагические дни не молиться о душе своей Натальи:

Господь Спасаящий, Карающий!
Господь Всевидящий, Всезнающий!
Прости грехи моей жены.
Прости, прости её вины.
Она Тебе молилась истово.
И скажет сын, и скажет внучка:
В ней столько светлого и чистого!
Хотя она и самоучка —
Не очень воцерковлена,
Но Божий человек она.

Перечитываю стихи поэта, посвящённые памяти жены; в них есть и горечь от потери любимого человека, оторопь и минутная растерянность от навалившегося горя, порой пробивается и отчаянье, но нет в этих ёмких и небольших произведениях ни тени уныния, ни нотки нытья. И потому воспринимается как должное то, как постепенно поэт, спокойно и с достоинством, приближается к сокровенному:

Не успел поглядеть за окно
На разлапистый клён и рябину,
А уже и зима, и темно,
И кругом всё похоже на льдину.
Не успел, не успел, а уже...
А уже всё подходит к итогу.
И я понял — в бессмертной душе
Начинаются сборы в дорогу.

Мотив ухода в первых после смерти жены стихотворениях был выражен чётко, но со временем он хоть и остался, но звучать стал более приглушённо. После публикаций подборок на литературных сайтах, в некоторых отзывах людей, участливых и сопереживающих горю поэта, слышались

уговаривающие интонации: мол, не надо этого делать, зачем торопиться туда; ты, твоя поэзия нам здесь очень дороги... На что я могу возразить лишь одним, но весомым аргументом: стихи не отпустят... Помните: «Получил я такое задание — значит, надо его выполнять...» Поэтические циклы Геннадия Иванова о СВО и особенно стихотворения-плачи о любимой жене — это, безусловно, события в русской поэзии; я и не припомню, с чем можно бы сравнить целый венок стихов поэта, где эпитафиями взяты строчки самой Натальи, которая тоже великолепно владела поэтическим словом.

А в моём саду такие цветы —
Точно знают: принесу им воды.

Наталья Иванова

Тебя цветы с восторгом узнавали —
Ты их поила не спеша водой.
Они тебе приветливо кивали
И любовались, видимо, тобой.

Прошли, как сон, земные наши лета.
Осталась клумба... Клумба хороша!
Цветы, цветы... Цветы другого света
Теперь ласкает чуткая душа.

Или такое вот, полное неясной тревоги, двустигшие жены, взятое эпитафией:

Грибов урожай, говорят, что к войне.
Их шляпки похожи на шлемы.

Наталья Иванова

Война, война... Теперь идёт война.
Ты за Россию так переживала —
Ты вся была войной поглощена
В те дни, когда их оставалось мало...

Но кто же знал, что ты уйдёшь вот-вот?
И что бы это как-то изменило?
Ты Родину любила и народ.
Родной народ ты до конца любила.

«Нет, мы с тобой не развенчаны...» — цитата из этого же цикла. Но я рассматриваю и воспринимаю её значительно

шире, и не только как святое и трепетное отношение к жене, но и к нашей русской земле, её судьбе и истории, о чём у Геннадия Иванова тоже немало и откровений, и пронзительных благодарных строк.

И этот драгоценный и сокровенный сплав, слиток души, он, на мой взгляд, особой высшей пробы, как — и это без всякого преувеличения — и вся поэзия нашего современника, поэта Геннадия Иванова.

*Юрий МАНАКОВ,
Московская область*

Цветные фото — на стр. 9

К рубрике «Писатель номера: Геннадий Иванов»

Весна на родине

На авиабазе Бельбек
под Севастополем

Книги Геннадия Иванова